Многие руководители государственных учреждений живое руководство колхозами и предприятиями подменяют бюрократической писаниной.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

ЦИРКУЛЯРКИН ЗА РАБОТОЙ.

КРОКОДИЛ

№ 3 (1365) МОСКВА 30 ЯНВАРЯ 1954 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXII ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

СТОЛБНЯК

В медицинской литературе болезнь, о которой идёт речь, почти не освещена, и я льщу себя скромной надеждой, что мои наблюдения и выводы принесут некоторую пользу страждущим и восполнят пробел в науке.

Точно установлено, что вирусы — распространители данного заболевания — гнездятся в обыкновенной писчей бумаге. Всем нам приходится писать: одному больше, другому меньше. Практика показала, что пользование бумагой в разумных дозах абсолютно безвредно, но стоит переступить общепринятые нормы — и вирусы овладевают слабым и податливым организмом. Лишите такого больного положенной ему на день усиленной порции бумаги — и свет ему не мил, он теряет покой, не находит себе места.

Бумажный психоз, бумагомания — как хотите, называйте эту болезнь — имеет тенденцию быстро распространяться. Если не принять предупредительных мер, болезнь может поразить отдельные главки и даже целое министерство. Наглядный тому пример — Министерство сельского хозяйства СССР. Ведь только за минувший год из его канцелярских недр ушло писем, телеграмм, приказов и циркуляров общим тиражом около четырёх миллионов экземпляров!

Чтобы обеспечить бесперебойную работу такого гигантского бумажного конвейера, понадобились вагоны бумаги, цистерны чернил. Точнее, для этого потребовалось 178 тонн бумаги, 1 185 литров чернил, 1 160 бутылей клея, 90 425 восковок, 5 040 лент для пишущих машинок и 1 051 700 листов копировальной бумаги.

Но самое страшное не в этих огромных материальных затратах. Каждая бумага, посланная из центрального аппарата, вызывает в ответ тысячи других, на которые, в свою очередь, тоже пишутся ответы. Получается какой-то заколдованный бумажный круг, и, профилактики ради, нам важно разобраться в симптомах бумажного психоза.

При обычных заболеваниях, как известно, работоспособность резко понижается. А тут, наоборот, мы наблюдаем повышенную, я бы сказал, чрезмерную, активность. Заболевшего порою трудно отличить от здорового. Ровно в девять утра он уже в главке. Раскладывает папки и с похвальным усердием начинает писать. И странное дело: чем больше он поглощает бумаги, тем становится он ненасытнее и испытывает ещё большую жажду и потребность в бумаге и чернилах. Теперь понятно, почему колхозам и по сей день приходится заполнять отчёты по 17 тысячам показателей в год!

Творческая фантазия людей, подверженных бумажному психозу, неиссякаема. Руководящие работники управления лесного хозяйства Литвинов и Колданов разработали, например, на 20 страницах схему доклада об итогах работы лесхозов за 1953 год. Каких только вопросов тут нет! И сколько было нарушений, почему и кто их допустил? Какова техвооружённость лесхозов? Каково количество шишко-сушилок и амбаров для хранения шишек? Каково качество (приживаемость) лесокультур отчётного года в сравнении с предыдущими двумя годами? Авторы схемы договорились до того, что потребовали от лесхозов: «Сделать анализ плана по огораживанию и остолблению культур».

Вот что значит зашиться в бумагах и довести себя до «остолбления»! Ясно, при таком столбняке бумаги непрерывно движутся, а дело стоит.

В последних числах декабря у больного, как правило, бывают острые приступы лихорадки. Когда до конца года остаются считанные часы, больной, желая во что бы то ни стало наверстать упущенное, рассылает, подобно Букштынову из управления сельскохозяйственной пропаганды или Бурдиашвили из управления водного хозяйства, в десятки и сотни адресов строжайшие директивы: «Мобилизуйте все средства, чтобы выполнить задание 1953 года! Об исполнении доложить к 5 января!»

На последующих этапах болезнь сопровождается резко выраженной боязнью пространства, скованностью движений и чисто патологическим отвращением к каким бы то ни было деловым поездкам за пределы Москвы. Некоторые сотрудники министерства годами не выезжали в колхозы. Такие товарищи, как Рогозин из планово-экономического управления, Воробьёв из отдела растениеводства, Глатерман из управления труда и заработной платы, Торбина из того же управления, судят о колхозах и МТС по смутным воспоминаниям туманной юности. И всё-таки они с помощью той же бумаги осуществляют «общее руководство», составляют прожекты и планы для колхозов и машинно-тракторных станций.

Кроме всех прочих симптомов, у больного наблюдается речевое возбуждение. Послушали бы вы, с какой горячностью он ратует на собраниях за подъём сельского хозяйства! Но когда он доходит до дела, наступает реакция: ослабляется память, рассеивается внимание.

Больной главного управления механизации забывает, что по его вине до сих пор не пересмотрены нормы на основные тракторные работы, а больной из организационно-колхозного управления делает вид, будто впервые слышит, что именно в его управлении второй год маринуется вопрос о введении в колхозах более прогрессивной системы распределения доходов.

Больной бумагоманией способен часами говорить о важности пропаганды передового опыта, но предложите ему в порядке опыта самому внедрить этот опыт, и пыл его мгновенно угасает. Больной впадает в состояние длительной депрессии.

Какие выводы напрашиваются из всего сказанного? Бумагомания — болезнь серьёзная, но вполне излечимая. Главное, во-время поставить правильный диагноз и начать активное лечение.

До сих пор лечение ограничивалось, так сказать, домашними средствами: издавались приказы, распоряжения. Внутриведомственные инъекции в виде выговоров и административных взысканий не всегда давали эффективные результаты. Тут нужно действовать более решительно!

Как показал анализ клинических материалов, бумажный вирус погибает от свежего воздуха. Поэтому настоятельно рекомендуется чаще проветривать рабочие помещения, устраивать критические и самокритические сквозняки, закаливать организм длительными поездками в колхозы и МТС. При хронических явлениях необходимо сделать пластическую пересадку, то есть вовсе переменить обстановку.

Поскольку бумагомания относится к разряду инфекционно-психических заболеваний, не следует пренебрегать сильнодействующими средствами. Одно из них, и самое радикальное — это заставить авторов громоздких директив самих их выполнять. Нескольких подобных процедур достаточно, чтобы вызвать отвращение к бумаге. Это и будет первым шагом к исцелению больного.

Ввиду актуальности затронутой нами проблемы всякие пожелания и дополнения будут приняты от наших читателей с благодарностью.

КРОКОДИЛ

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

КАРТИНА ЯСНА

— Кого? Председателя? Занят, отчитывается! Потом? Потом, по всему видно, будет свободен...

Оборотная сторона

Инженер Семён Васильевич Данов в глубоком раздумье возбуждённо ходил по комнате. Неожиданно прервав очередной рейс от одной стены к другой, он подсел к столу и решительно обмакнул перо в чернильницу.

Писал он долго, взвешивая каждую фразу. Наконец он отложил перо и несколько раз прочёл написанное:

«Заявление

от инженера Данова Семёна Васильевича.

Прошу оказать мне честь и доверие путём посылки на работу в органы Министерства сельского хозяйства Таджикской ССР. Все свои знания и опыт обязуюсь отдать... Призываю всех специалистов, как работающих в органах Министерства сельского хозяйства, так и могущих быть полезными, откликнуться путём личного участия в работе колхозов и МТС».

Итак, первый шаг сделан: впереди у него новая жизнь, новая, интересная работа!

Затем последовал и второй шаг. Через несколько дней в республиканской газете появилась статья С. В. Данова «Еду работать в деревню». Статью, разумеется, напечатали на видном месте. И даже с портретом автора.

С газетной страницы на читателя смотрело открытое лицо. Прямой взгляд, энергично сжатые губы говорили о непоколебимой решимости этого человека осуществить своё намерение.

Знакомые, встречая Данова, жали ему руку, горячо поздравляли, желали всяческих благ и успехов на новом поприще.

Мы не были знакомы с Семёном Васильевичем. Никогда его в глаза не видели. Но и нам, признаться, захотелось повидать Данова и от всей души пожелать ему счастливого пути.

В Главном дорожном управлении Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог, где до этого работал Данов, нас, к сожалению, огорчили:

— Опоздали. Данов у нас давно не работает.

И в Министерстве сельского хозяйства на вопрос о Данове развели руками:

— Куда уехал? Не знаем. Сами ищем. Попробуйте вы. Может быть, вам больше повезёт...

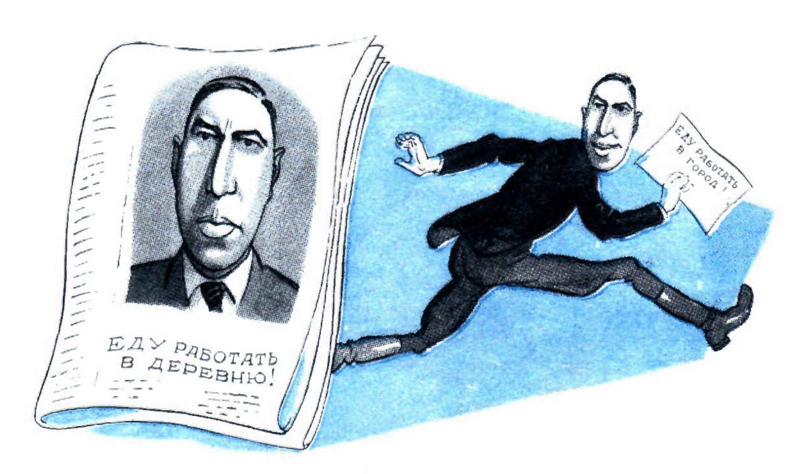

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

После долгих поисков следы Данова отыскались. Он действительно переехал. Но не в деревню, как торжественно заверял в своей статье, а из одного управления министерства в другое.

Что же заставило Данова взяться за перо? Желание славы!

Расчёт был простой: «Я буду одним из первых, и обо мне напишут в газете. А если я не поеду, с меня спрос не велик. Не станет же газета себя опровергать...»

Семён Васильевич Данов хотел прославиться. Мы охотно идём навстречу его желанию — публикуем о нём фельетон.

П. ЕВГЕНЬЕВ

Размышления у колодца

У семи нянек — дитя без глазу. Ну, а если нянек будет на одну меньше? Лучше ли будет присмотр за дитятей?

Эти волнующие вопросы возникли у нас в ту самую минуту, когда мы очутились в Кизил-Юртовском районе, Дагестанской АССР, у артезианского колодца, строящегося по заказу колхоза имени Сталина.

...Зима. Меняется в эту пору пейзаж альпийских лугов. Покидают их колхозные отары овец и крупного скота. Покидают и переселяются на равнину, где их ожидают и подножный корм и сено, заготовленное с лета.

Но у овец есть ещё одна потребность — им нужна вода, а её не всегда хватает в степи. Значит, нужно бурить артезианские колодцы, у которых овцы могли бы утолять свою жажду.

Это хорошо известно Министерству сельского хозяйства Дагестанской АССР. И оно приняло решительные меры; никто не посмеет упрекнуть его в недостаточном руководстве важным участком строительства колодцев.

Бразды правления на этом участке взяли в свои руки:

первый заместитель министра тов. Джамалутдинов;

заместитель министра тов. Гаджиев;

начальник Дагводхоза тов. Рагимов;

управляющий трестом «Дагводстрой» тов. Кубатиев.

Итак, руководство вполне обеспечено. Остаётся только подыскать человека, который возглавил бы мелиоративно-строительную контору, непосредственно занимающуюся сооружением колодцев. И эта трудная задача была успешно решена. Обязанности начальника конторы с величайшей готовностью принял на себя Аваким Цатурович Оганов.

Теперь министерство было спокойно: нашли наконец достойное лицо. В прошлом лицо это занимало пост районного прокурора, заведывало райфинотделом, руководило горкомхозом,— словом, лицо испытанное, много видавшее. Можно было не сомневаться, что и на мелиоративно-строительном фронте А. Ц. Оганов не ударит лицом в грязь.

Мужественно приступив к исполнению новых для себя обязанностей, Аваким Цатурович принял смелое решение:

— В артезианских колодцах я разбираюсь не лучше, чем свинья в апельсинах (подлинные его слова). Но поскольку я вовсе и не думаю работать, а намерен только руководить, то посижу некоторое время в конторе.

Сказано — сделано. Стал Оганов руководить, а строительство колодцев поручил некоему Борчалинскому. В свою очередь Борчалинский, лицо тоже довольно испытанное, с солидным тюремным стажем, пришёл к единственно правильному для себя выводу:

— В бурении скважин я разбираюсь так же, как и Оганов. Поэтому моя задача состоит в том, чтобы не столько работать, сколько заработать.

Познакомившись, таким образом, со всеми шестью няньками, взявшими на свои плечи заботу о колхозных стадах, мы можем с вами, читатель, вернуться в Кизил-Юртовский район, к колодцу, у которого у нас возник разговор о семи няньках.

Что мы здесь видим? Мы видим развороченную яму, груду извлечённой земли, остатки труб и штанги.

Чего мы здесь не видим? Мы не видим самого колодца, который Борчалинский должен был построить для колхозных овец. Мы не видим ста семи тысяч рублей, ухлопанных на яму. Эти деньги не могли кануть в воду, ибо воды-то нет.

Покинем это печальное место и отправимся к колодцу, построенному для колхоза имени Ленина, Ново-Лакского района. Что мы тут видим? Мы видим бездействующую скважину, видим скот, который тощает из-за недостатка воды и из-за того, что его приходится перегонять за десять — двадцать километров на водопой. И мы опять здесь не видим ста девятнадцати тысяч рублей.

Заглянем в сводку мелиоративно-строительной конторы, и мы увидим, что из пятнадцати артезианских колодцев, которые Аваким Цатурович должен был дать колхозам в прошлом году, он построил только семь, да и из них два не работают.

Заглянем, наконец, в многолюдные канцелярии Министерства сельского хозяйства республики, Дагводхоза, «Дагводстроя» и той же мелиоративно-строительной конторы. Подсчитаем, сколько сотрудников этих учреждений во главе с двумя заместителями министра руководили тридцатью рабочими, бурившими скважины. А подсчитав, убедимся, что даже и у шести нянек дитя захиреть может, что и произошло в данном случае.

В. ГОРБАЧ,
И. СЕВАСТЬЯНОВ

г. Махачкала.

Железные дороги зачастую задерживают перевозку товаров народного потребления.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— На этом поезде наверняка отстанешь от моды.

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

В ОДНОМ МЕСТКОМЕ

— Куда это я задевал договор о соцсоревновании?
— Не ищи: уже новый заключили.
— Вот его-то я и ищу.

То было раннею весной...

В ясный мартовский день, когда из открытых форточек веяло влажными запахами ранней весны, на головы членов московской промысловой артели «Пролетарское объединение» неожиданно свалилось ошеломляющее известие: Центральный совет промысловой кооперации решил ликвидировать у них пошивочный цех.

— Как?! — ужаснулись члены артели. — Весной — и ликвидировать цех, изготовляющий демисезонные пальто и костюмы? Да нас торги живьём съедят. Мы же договоры с ними заключили.

Растерянные и взволнованные, они тут же позвонили в правление Центропромсовета и справились: слухи это или горькая правда?

— Правда, — подтвердили им. — Сам председатель Алексей Егорыч решение подписал. Да о чём, собственно, вы беспокоитесь? Заказы по вашим договорам будут переданы другим предприятиям. Отвечает за это дело персонально заместитель председателя Центропромсовета тов. Кораблёв. И срок ему дан самый жёсткий — семь дней.

— Не мало ли?

— Хватит! Бывший бог за семь дней целую вселенную создал. А задача у Кораблёва по своим масштабам куда скромнее.

Работники артели облегчённо вздохнули. Уж кому-кому, а Кораблёву они всецело доверяют. Как-никак заместитель председателя!

Прошло 7 дней. Потом, соответственно, 17... 27... 77... Безмолвствует тов. Кораблёв.

— Погиба-аем! — доносится из артели, атакуемой со всех сторон неумолимыми заказчиками.

— А вот и не дадим вам погибать, — добродушно отозвался из Центропромсовета другой заместитель председателя, тов. Заговельев. — Я сам прослежу за этим делом. Не пройдёт и семи дней, как...

Прошло 177 дней. Затем 277 дней. Безмолвствует тов. Заговельев.

А тем временем события развёртывались с пугающей работников артели быстротой. Терпение торгов лопнуло, и они передали свои претензии в Госарбитраж. А там разговор короткий: не выдержал сроки, указанные в договорах, — раскошеливайся. И артель раскошеливается. Она уже выплатила 228 тысяч рублей неустойки.

— Караул!!! — буквально завопили члены артели.

— Спокойно! — вмешался третий заместитель председателя, тов. Евсеев. — Только без паники. Я уже отдал приказ о немедленной передаче заказов. Ещё каких-нибудь семь дней — и...

Чтобы не вводить в смущение тов. Евсеева, не будем уточнять, сколько именно дней прошло после его обещания. Скажем лишь, что потребитель ни за что, ни про что лишился швейных изделий на 8 миллионов рублей, а артели «Пролетарское объединение», тоже ни за что, ни про что, предстоит выплатить ещё 220 тысяч рублей штрафа. Тов. Евсеев безмолвствует.

В дело вмешивается... впрочем, виноваты. В дело уже никто не вмешивается. Почему? Неизвестно. Очевидно, председателю правления Центропромсовета тов. А. Е. Петрушову и его заместителям страшно и браться за эту неразрешимую задачу!

Н. ЛАРИН

РАЗРЕШИТЕ ПОБЕСПОКОИТЬ!

Многие мастера с гордостью ставят свои личные печати на той продукции, которую они производят. Но вот как понял эту благородную борьбу за качество своей работы один из сотрудников одесского почтамта.

Хочется сказать этому быстрому на руку связисту, испортившему открытку:

Такая на работе «прыть»
У нас встречается всё реже:
Да, штемпель *налицо,* конечно, должен быть,
Но всё-таки не на лице же!

Военнослужащий А. ИВАНОВ

Варвара КАРБОВСКАЯ

ШУБА ИЗ ЦИГЕЙКИ

Бывает, что самый рассудительный, разумный и очень занятой человек вдруг загорается каким-нибудь вздорным, чепуховым желанием, которое требует немедленного осуществления.

Так было и с молодым врачом, назовём её Верой Андреевой. Это рассудительная, разумная, очень занятая женщина, но вот ей до страсти захотелось приобрести шубу из цигейки, тёмнокоричневую, бархатистую, с большим воротником, с широкими рукавами, с фалдами на спине. Вполне законное желание не только для молодой женщины, но и для любого мужчины, ибо мужчины тоже заботятся — и ещё как! — о своей внешности.

Может быть, строгий и требовательный читатель, остановившись на этом месте, скажет:

— Подумаешь, актуальная тема: как врач покупал себе шубу!

Должна предупредить: тема не о покупке шубы. Тема о моральном облике Веры Андреевой и некоторых других людей. Хотя вопрос о том, что не слишком дорогую, красивую шубу почти невозможно купить в наших магазинах, тоже заслуживает внимания. Именно этот вопрос и порождает... Впрочем, вернёмся к рассказу.

Вера Андреева отложила на свою покупку две тысячи рублей; именно столько, сколько стоит цигейковая шуба. Она обегала все меховые магазины и нашла в них очень дорогую выдру и драгоценную норку, но и норка и выдра были ей не по карману. В комиссионных магазинах ей предлагали кролика под котик и цигейку, но это были поношенные шубы, и Вера от них наотрез отказалась.

Об её желании купить шубку из цигейки знали многие, в том числе одна её постоянная пациентка, очень навязчивая, вполне здоровая особа, которая каждую неделю ходила на приём к Андреевой и старалась убедить врача в том, что она, по всем симптомам, страдает раком.

Однажды, одеваясь не спеша после очередного выстукивания и выслушивания, вполне успокоенная врачом относительно своего драгоценного здоровья, она завела приятный женский разговор:

— Шубку вы себе так и не купили?

— Нет,— сказала Вера, нетерпеливо поглядывая на часы.

— Доктор, голубчик! — воскликнула пациентка.— Цигейка у вас будет. Мне звонила одна моя приятельница, что у её знакомой продаётся роскошная шубка. Эта её знакомая — очень интеллигентная, культурнейшая дама, у неё умер недавно муж или что-то в этом роде, и она кое-что продаёт. Скажете, что вы от Полины Ивановны, иначе она вас к себе не пустит. Только поезжайте завтра, я предварительно должна позвонить Полине.

На другой день Вера поехала по указанному адресу.

Это был новый красавец-дом с тяжёлыми дверями, с лифтом и старухой-лифтёршей. Вера поднималась на восьмой этаж и думала, что люди, получающие квартиры в таких домах,— всеми уважаемые, необходимые государству люди. Ей тоже обещали квартиру, но когда ещё это будет? А муж этой женщины (пациентка назвала её дамой), наверное, был крупным работником, не берёг своего здоровья и сгорел на работе. Бедный!.. Он совсем не думал о себе, ничего не накопил, и его убитая горем вдова продаёт вещи. Бедная!..

Она позвонила у двери, выкрашенной белой масляной краской. Подождала и позвонила ещё раз. Послышались шаги, щёлканье замков, лязгнула цепочка, после чего в дверях образовалась небольшая щель. Первое, что увидела в эту щель Вера, был рот. Очень большой рот, густо малинового цвета с лиловым оттенком. Вера знала, что модная губная помада именно такого лиловатого цвета. А что, если бы у человека его собственный рот, без помады, стал таким пугающе лиловым? Наверно, человек побежал бы к врачу: «Скажите, доктор, почему у меня слизистые оболочки полиловели?»

Рот раскрылся и обнаружил ювелирную выставку золотых изделий.

— Вы к кому?

— К вам, наверно,— сказала Вера. — От Полины Ивановны.

— Вы врач Андреева?

Только после этого Веру впустили в квартиру. Прихожая устлана бархатной дорожкой, в углу трюмо, стеклянная дверь ведёт в комнату.

«Как уютно, красиво,— думает Вера. — Но только почему она сама такая расфуфыренная, раскрашенная? Хотя некоторые женщины даже в большом горе красятся — по привычке. Даже завещают в гроб себя положить с нарумяненными щеками. Бывает...»

На хозяйке квартиры атласный халат с жёлтыми орхидеями по чёрному полю. Такой материи Вера не видела ни у кого. В ушах серьги. Таких серёг тоже ни у кого нет. Лицо, обсыпанное пудрой, похоже на ком сдобного теста, вываленного на стол для разделки, когда оно плывёт во все стороны. Волосы, как пакля, на лбу уложены в локоны, а сзади торчат вихрами, как на старом парике.

— Меня зовут Тамара Петровна,— с достоинством говорит хозяйка квартиры. — Будем знакомы, прошу вас!

Пухлой рукой в кольцах она указывает на стеклянную дверь.

«Ой, как она хорошо живёт! — думает Вера.— Ковры, мраморный Аполлон, хрустальная люстра, как в театре...»

— Вы относительно шубки? — спрашивает Тамара Петровна.— Ах, не хотелось мне с ней расставаться... Кое-кому ни за что не отдала бы (она именно так и говорит: не «продала», а «отдала»), но Полина Ивановна звонила, что вы вполне свой человек.

— Я совсем не знаю Полину Ивановну,— скромно говорит Вера, показывая, что она не набивается в свои люди к такой важной особе.

— Вы её не знаете, но, значит, она вас знает, если рекомендовала,— внушительно произносит Тамара Петровна.— Конечно, я бы не стала продавать, если бы он был со мной...

Она поднимает свои большие, выпуклые глаза на портрет. С портрета прямо на Веру смотрит маленькими весёлыми глазками широколицый мужчина. Вот-вот подмигнёт.

Нельзя не спросить для приличия, и Вера осторожно спрашивает:

— А отчего ваш супруг?..— Она умышленно, из деликатности, не произносит удручающего слова «умер».

— От доброты к людям! — отчеканивает Тамара Петровна.— Он сам жил и другим давал жить! Только другие вышли сухонькими, а моему — десять лет!

«Ах, вот оно что! — испуганно думает Вера.— Значит, он не умер, а...»

— Поскольку вы свой человек,— продолжает Тамара Петровна,— вы, конечно, всё знаете. Ну, хорошо, допустим, растрата в магазине, так называемое зло-употреб-ление, но ведь можно было как-то мягко, гуманно подойти к человеку. У нас столько говорят о внимании, о заботе к людям... Всё слова, слова, слова, а как до дела дошло, сразу — трах! — к уголовной ответственности! Где тут внимание, я вас спрашиваю, хотя бы к его прошлым заслугам? Ах, он такой удивительный, редкий человек!..

Рисунки В. КОНОВАЛОВА.

Она опять смотрит на портрет, и во взгляде её полное одобрение этому редкому человеку.

— А какой он семьянин! До последней минуты думал о нас. Успел и деньги, правда, немного, перевести на моё имя и квартиру приобрёл на моё имя.

— Это как — приобрёл? — удивлённо спрашивает Вера.

Тамара Петровна вздыхает.

— С трудом, душенька, с огромным напряжением силы воли. Всё нервами, нервами. Но когда дело касалось благополучия семьи, он из горла мог вырвать — и вырвал. Вы свой человек, вы понимаете... А как он сына любил! Впрочем, я вам всё своё горе изливаю, а шубку так и не показываю.

Шуба великолепна. Она даже лучше того, о чём мечтала Вера. Но сейчас почему-то она не кажется ей такой заманчивой. И даже не почему-то, а совершенно ясно. «Краденая»,— думает она, но Тамара Петровна отметает всякие подозрения:

— Это вещь моего сына. Мальчик просил продать её. Наденьте, голубка. До чего же вы в ней хороши!

Никогда такой шубы не было на плечах у Веры. Интересно, сколько за неё заломит Тамара Петровна.

— В цене сойдёмся,— небрежно говорит Тамара Петровна.— Если хотите, я могу позвонить сыну, он сам приедет. Не надо, так не надо. У меня чудесный сын, осталось мне утешение.

Она подводит Веру к столику, на котором стоит фотография в сафьяновой рамке: кудрявый молодой человек с бачками, этакий Фигаро. Смотрит прямо выпуклыми, как у матери, глазами.

— Эдуард. У него, правда, незаметная работа, но живёт он исключительно хорошо! Дом — полная чаша, у другого академика не найдёте таких вещей, какие есть у него. Весь в папочку пошёл; первое дело — обеспечить семью. Двое детишек, одеты, как картиночки. Жена, разумеется, не работает. Да и зачем ей работать при таком муже! Конечно, Эдик — скромный работник: он оценщик в комиссионном магазине,— но, уверяю вас, многие добиваются знакомства с ним. Когда дама хочет приобрести что-нибудь из ряда вон выходящее, бьющее в глаза, сейчас к Эдуарду Матвеевичу. Он всё может, из-под земли достанет. Так что вы имейте в виду. Кое для кого он делать не станет, а для своих...

Вера снимает с себя шубу и кладёт её на диван. Ей хочется сказать что-нибудь резкое, уничтожающее. Хочется крикнуть: «Какая я вам своя! Вы воровская компания, спекулянты, мелкие, но зловредные людишки, и я с вами не желаю иметь ничего общего!» Но у неё мягкий и кроткий характер. И мама всегда учила её вежливости. Нет, она не может сказать этой глазастой особе в лицо, что̀ она о ней думает. Она говорит:

— Хорошо, я подумаю и позвоню вам.

— Милочка, но вы даже не спросили о цене,— слащаво улыбается Тамара Петровна.

— Это неважно.

— Ну, я так и думала, что вы не станете крохоборничать. Но на всякий случай — восемь тысяч. Такой товар можно достать только через Эдика.

Вера спускалась с лестницы. Просто невероятно, что в этом новом, прекрасном доме живёт такая мерзкая, старая жаба! А её жабёнок устраивает тёмные, торгашеские делишки под вывеской комиссионного магазина. Сейчас же надо ей позвонить, сию же минуту... И, может быть, надо куда-нибудь сообщить об этих ворах и спекулянтах, которые живут, загримированные под честных советских людей?

Рядом, в аптеке, телефон-автомат. Она набирает номер.

— С вами говорит Андреева. Да, да, я только что была у вас. Шубу покупать не буду. Что? Нет, дело не в цене, хотя, конечно, и цена страшная. Но мне... её происхождение не нравится. Вы...

Остаётся только положить трубку. Вера, вся красная, отходит от телефона. Она, эта жаба с лиловым ртом, назвала её, Веру, мерзавкой и нахалкой. Что же теперь делать?

Она идёт домой. Дома у них сидит и поджидает её большой друг их семьи и её всегдашний пациент, старик, народный артист Капитон Николаевич. Она рассказывает ему всё.

— Что же теперь делать, Капитон Николаевич?

— Что делать? Гм... гм... впредь не связываться с такой дрянью. А сейчас — плюнуть и растереть! — Он любит подобные выражения, которые забавно звучат при его изысканной внешности. — Да! Подожди, а шубы у тебя так и нет?

— Нету, Капитон Николаевич.

Он глубокомысленно прикладывает свой длинный палец с перстнем к высокому лбу, потом отводит палец в сторону, и тот торчит, как восклицательный знак.

— О! Я поеду к этой жабе и куплю. Поторгуюсь, конечно.

— Ни в коем случае, Капитон Николаевич! С этим злом нужно бороться!

— Кому? Нам? — Он хохочет великолепным смехом, выработанным за сорок лет служения искусству. — Ты дурака не валяй и Жанну д'Арк из себя не строй. Какой борец за правду выискался! Пускай с этим злом борются органы милиции, прокуратура, ну... писатели, фельетонисты, что ли. А мы тут не при чём. Аб-со-лютно не при чём.

— Нет, Капитон Николаевич, я с вами в первый раз в жизни не согласна! — решительно говорит Вера. — Надо бороться с такими людьми. И нам и всем, всем!

— Ну борись, борись. Может быть, ты и права,— сдаётся народный артист. — Но ведь шуба тебе нужна? О! Я тебя направлю к прелестному молодому человеку, ты скажешь, что ты от меня... Он обожает театр, ради актёров готов в лепёшку расшибиться. Он для тебя из-под земли достанет...

— Опять «достанет»?!

— А что? Нормальное слово — «доставать»! Не придирайся, пожалуйста. Я сейчас позвоню Эдуарду Матвеевичу...

— Кому?..

...Я давно не видела Веру Андрееву и не знаю, ходит ли она в цигейковой шубе с фалдами на спине. Однако толстая жаба с лиловыми губами и её жабёнок процветают попрежнему.

Борис КОТЛЯРОВ

ТОВАРИЩ ШПАК И ЕГО РАЗМАХ

Девчата перед входом в цех
Берёзки посадили.
Такой почин имел успех:
— Вот это угодили!
И стали ветви зеленеть,
Тихонько листьями звенеть.
Все, кто идёт на смену,
Похвалят непременно.

Но был у нас товарищ Шпак,
Не спал ночами, охал.
Не знал, берёзки — это как:
Похвально или плохо?
Иль запретить иль поддержать?..
Откуда Шпаку было знать?
А тут ещё начальство
Является не часто.

Он заявлял в своих речах:
«Момент учту всегда я!
Хоть я в делах люблю размах,
Но прежде угадаю,
Какие именно дела
Поставить во главу угла.
Когда же их поставлю,
Тогда себя прославлю!»

А дальше дело было так:
Начальство проходило
И о берёзках, слышал Шпак,
Сказало: «Очень мило».
И Шпак вскричал: «Пора пришла!
Берёзку — во главу угла!
Итак, момент угадан,
За дело браться надо!»

Товарищ Шпак любил размах!..
И тут пошло такое!
Все тащат саженцы в руках
И двор фабричный роют.
А он кричит: «Сажай, друзья!
Нам без листочков жить нельзя.
При помощи берёзы
Решим мы все вопросы!»

Зазеленела роща вдруг.
Никто не рад, однако,
Вся почва взрыхлена вокруг
Неугомонным Шпаком,
Теперь машинам нет пути,
И людям к цеху не пройти,
Не втиснутся повозки:
Кругом одни берёзки.

А тут — начальство вновь!.. Оно
Сказало Шпаку строго,
Что от ветвей в цеху темно
И в цех узка дорога.
И крикнул Шпак: «Руби, друзья!
Нам жить с берёзками нельзя.
Расправимся со всеми,—
Теперь такое время!»

И он, держа топор в руках,
Кричал: «Пойдут на доски!»
Товарищ Шпак любил размах —
И падали берёзки.
Но встали девушки пред ним.
«Мы наших трогать не дадим!
Вы бросьте это дело!» —
Они сказали смело.

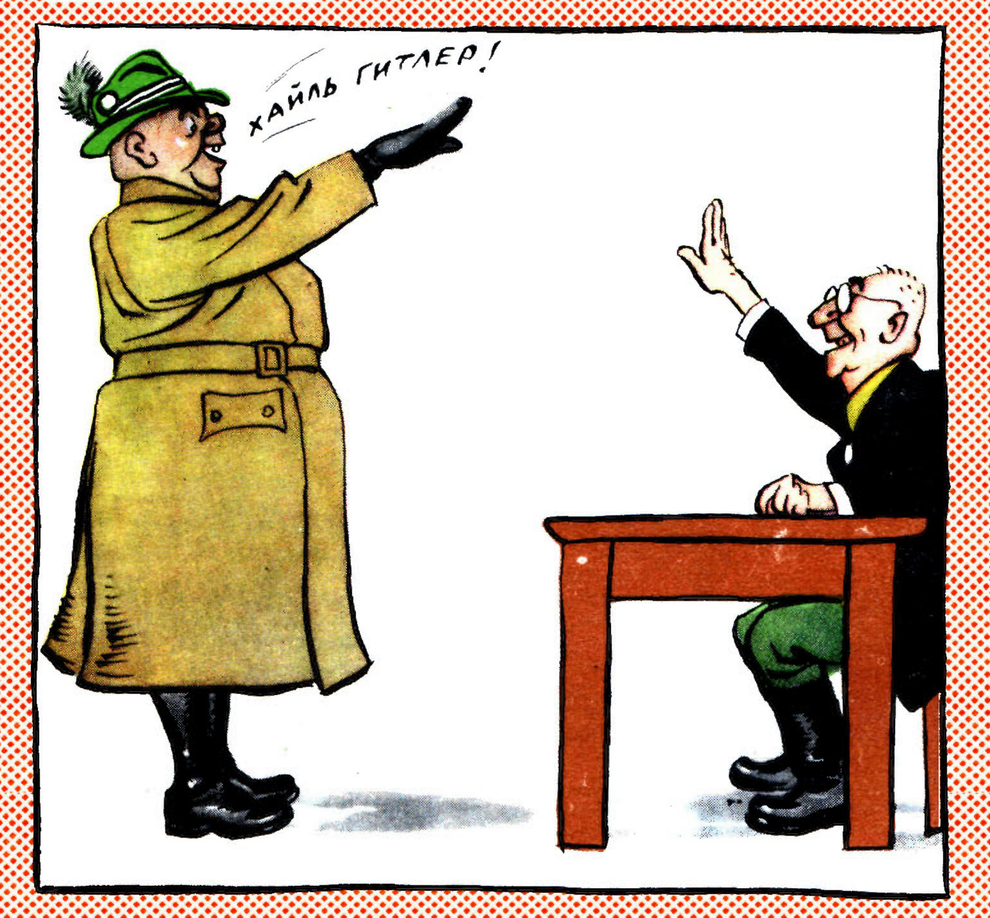

И вот остался прежний ряд —
На площади у цеха
Берёзки стройные стоят.
Они нам не помеха
И вечно рады нас встречать!..
А Шпак... всё думает опять:
Куда размах направить?
И чем себя прославить?

г. Харьков.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

НА ПРИЗЫВНОМ ПУНКТЕ ВЕРМАХТА

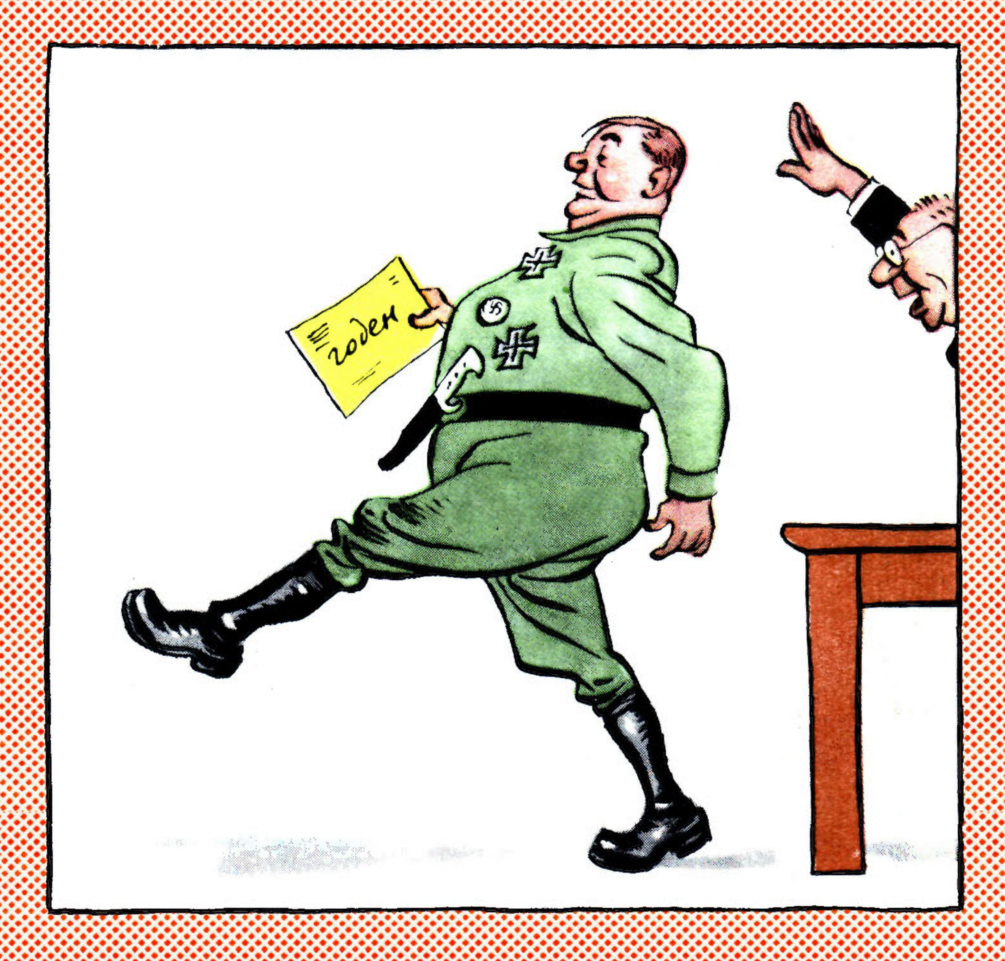
Его выслушали...

осмотрели...

ознакомились с документами...

и решили: годен!

К ВОПРОСУ О БОМБАХ

Трудно представить себе, скажем, владельца чикагской бойни, меланхолически размышляющего о бренности всего земного, о тщетности и суетности быстротекущей жизни. Между тем сейчас многие американские бизнесмены с тревогой поглядывают на движение часовых стрелок и горестно вздыхают. Об этих настроениях оповестила своих читателей газета «Нью-Йорк таймс», кратко сформулировав их в следующей фразе:

— Осталось мало времени, и оно летит быстро.

Почему мало? Почему быстро? Откуда у бравого янки этакая космическая грусть?

Конечно же, во всём виноваты «русские». Оказывается, в их арсенале есть неслыханно грозное оружие. Можно ли спать спокойно в особняках Нью-Йорка или Майами, когда на свете существует такая страшная вещь, как «экономическая бомба»?

В самом деле, не оправданы ли мрачные размышления о коварстве «русских», если в их руках даже такие безобидные вещи, как сливочное масло, окорок, пара ботинок, телевизор, стиральная машина, приобретают некую таинственную силу? Вот, например, тамбовский окорок. Аппетитная вещь, не правда ли? А посмотрите-ка, с каким отвращением и страхом взирает на него владелец чикагской бойни!

Американский журнал «Нейшн» одну из своих статей так панически и озаглавил: «Экономическая бомба России». Вот что там, между прочим, говорится:

«Если в России будет происходить непрерывный рост, а на Западе застой, если будет увеличиваться разница в распределении богатств между людьми и между странами, то на политический (!) вызов России, возможно, будет трудно ответить».

И журнал скорбит, что, чересчур увлекшись в своей агрессивной лихорадке «военным аспектом», государственные мужи Запада поступают не совсем разумно, замалчивая быстрый рост экономического могущества Советской страны. Ведь поскольку скрыть это, конечно, не удастся, такая тактика «вполне может оказаться для нас опасной ловушкой в борьбе за человеческие души».

Так вот в чём, оказывается, причина беспокойства! Не вымышленные «агрессивные замыслы», а реальные успехи мирного строительства в Советском Союзе тревожат поджигателей войны!

Обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Гарри Шварц, со своей стороны, призывает вдуматься в «зловещее значение того бесспорного факта», что валовое национальное производство Советского Союза и стран народной демократии растёт гораздо быстрее, чем производство США и их сателлитов. Со страниц той же газеты слышен и скорбный глас научного сотрудника факультета политических наук Мичиганского университета Джорджа Пика. Оказывается, как он убедился, производство в Советском Союзе и в странах народной демократии является «настолько здоровым и энергичным, что несколько знатоков русских дел видят величайшую угрозу Западу (!) не в военной или идеологической области, а в области экономики».

Тревожный шепоток доносится и из здания конгресса США. Недавно представитель объединённой экономической комиссии конгресса Гровер Энсли потряс членов комиссии конфиденциальным (не для огласки!) докладом по поводу расширения производства потребительских товаров в Советском Союзе. Опираясь на прочный фундамент фактов, мистер Энсли сделал ужасающий вывод, что дальнейшее повышение жизненного уровня советских людей «скажется на настроениях» в западных странах.

Как же быть?

Капиталистическим странам, по мнению Энсли, следовало бы «в целях сохранения капитализма» принять участие «в этой гонке повышения уровня жизни». Сболтнул он это, конечно, с перепугу и, наверное, долго ещё заикался, приходя в себя. Чего доброго, обвинят Энсли в коммунистической пропаганде: мыслимое ли дело — призывать рокфеллеров участвовать «в гонке повышения жизненного уровня» среднего американца?! Это ведь всё равно, что предложить щуке нянчить и лелеять карасей.

Так как же всё-таки быть?

Разумеется, можно сделать вид, что ничего особенного не происходит. Многие буржуазные газеты так и поступают. Они, например, или совсем не помещают никакой информации о мерах по резкому подъёму благосостояния советских людей или же прячут такие сообщения в самых укромных уголках своих страниц. Но разве не известно, что даже крупица правды перевешивает горы лжи?

Тем более, что лгут о Стране Советов крайне примитивно. По клятвенным уверениям иранской газеты «Бахтиар», «в Советском Союзе нет ни воды, ни хлеба, ни электричества». По авторитетному заявлению редактора американской газеты «Аркив» Джейн Макилвейн, «в Москве нет хорошо одетых женщин», а «обувь изготовляется из картона». Даже тот факт, что в Советском Союзе производится коньяк, французская газета «Шарант либр» ставит под сомнение: это-де не что иное, как «пускание пыли в глаза».

Да, нет ничего проще и легче, чем одним росчерком пера «снизить» жизненный уровень советского человека. Можно по примеру турецкой газеты «Ени сабах» под фотографиями отдыхающих на лоне природы москвичей написать: «Леса в окрестностях Москвы — место прогулок безденежных рабочих». Можно напечатать любую чушь: авось, какой-нибудь простак и поверит! Но всё это, как видим, до поры до времени. Когда правда стала слишком «тревожной», о ней вынуждены были заговорить даже те, кто всегда фабриковал ложь. Впадая в панику перед советской реальностью, они тем самым опровергают свою же собственную клевету на эту реальность. Они разоблачают себя и этим делают, несомненно, доброе дело.

А. ВЕЛИЧКО

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Курт Кведенфельд, владелец невинного заводика фруктовых вод в сельском местечке Круку, лишь недавно осознал свою большую вину перед боннским правительством. В течение долгих послевоенных лет он подозревал канцлера Аденауэра и его сподвижников в том, что они недостаточно глубоко и сильно любят фашизм.

— Милый Курт, ты меня огорчаешь,— не раз говорила со слезами на глазах супруга Кведенфельда.— Неужели до тебя ещё не дошло, что нашему правительству нужны такие идейно устойчивые, имеющие большой практический опыт гитлеровцы, каким являешься ты? Взгляни вокруг: Гудериан, Кессельринг, Шахт, Крупп — все, решительно все вернулись к своим прежним делам.

— То звёзды первой величины,— уклончиво отвечал Курт.

— Не думай, что я плохо разбираюсь в политике. Сейчас все звёзды нужны. Тебе ли при твоих данных возиться с лимонной шипучкой! — не без ехидства говорила фрау Кведенфельд.

И вот недавно производитель безалкогольных напитков узнал из достоверных источников, что подготовлен закон об амнистии военных преступников, скрывающихся под вымышленными именами. Число их, по самым скромным подсчётам, составляет не менее шестидесяти тысяч. Известие заставило густо покраснеть маловера. Вскоре он стучался в двери министерства внутренних дел Нижней Саксонии.

— Я не могу больше скрывать своё настоящее имя и своё боевое прошлое,— с чувством пожимая руку министра Боровского, говорил посетитель.

— Разве я имею честь говорить не с владельцем завода фруктовых вод господином Кведенфельдом? — осведомился министр.

— Нет! Я Курт Кнут...

— Да?! — воскликнул глава министерства.— Курт Кнут, видный национал-социалист?

— Золотой значок за активную работу в партии. В годы похода на Восток сотрудник штаба Розенберга на Украине.

— Профиль?

— Продовольствие. Одно лишь моё ведомство выкачало свыше сорока миллионов килограммов продуктов для нашей армии и тыла.

— Голод на Украине во время оккупации...

— Не хвастаюсь, моих рук дело,— подсказал Курт Кнут.

— Украина, Украина... Долго же вы пропадали, уважаемый герр Кнут!

— Боялся возмездия. Прикрылся этим длинным и некрасивым, именем — Кведенфельд. Но натура, знаете, берёт своё: стал активным деятелем партии «Блок изгнанных и лишённых прав». Только из чувства осторожности я отклонил свою кандидатуру в депутаты бундестага.

— Бог мой! — воскликнул министр.— Вам ли, дорогой Курт, заниматься выпуском лимонной шипучки!

— То же самое я не раз слышал от своей супруги,— признался Кнут.— Но я, извините, сомневался, побаивался...

— Я мог бы понять ваши опасения, если бы вы не знали, кто определяет курс нашего правительства,— с укоризной сказал министр.— Нам нужны идейно устойчивые, имеющие большой практический опыт кадры.

— То же самое говорила мне моя супруга,— вновь признался Курт.

— Отдаю должное политическому чутью уважаемой фрау Кнут. Я доложу о вас Бонну. Ждите вызова.

— Хайль Аденауэр! — щёлкнул каблуками заслуженный гитлеровец, отмечая тем самым своё второе и, надо полагать, на этот раз последнее рождение.

В. КРУГЛОВ

Ваша очередь, джентльмены!

Недавно в Англии происходила весьма оживлённая дискуссия. Обсуждался животрепещущий вопрос о пользе порки.

Нашлись приверженцы этого метода физического воздействия как метода репрессивно-воспитательного, завещанного, так сказать, отцами и дедами.

Более того, некоторые из наиболее остервенелых сторонников розги, не желая ударить лицом в грязь, попытались обосновать свою точку зрения применительно к «духу времени».

Особо потрудилось в этом направлении «Объединение юристов», выступившее (как, впрочем, и полагается организации, познавшей все тонкости юриспруденции) с мотивированными соображениями в форме специального меморандума.

«Мы живём в воинственном и атомном веке,— заявили английские юристы.— Люди атомного века требуют (!) решительного обращения. Поэтому само собой разумеется (!!), что порка пойдёт им на пользу».

С целью проверки справедливости такого умозаключения не применить ли рекомендуемое мероприятие в первую очередь к его инициаторам?

Садриддин АЙНИ

ХОЗЯИН ОСТАЁТСЯ ХОЗЯИНОМ

В старой эмирской Бухаре, в бытность автора этих строк в том городе, произошёл любопытный случай. Дело было так. Потребовалось уточнить границу Бухары с одним из её соседей. С этой целью была создана смешанная комиссия, которая разработала проект демаркации. Члены комиссии от Бухары с поклоном представили этот проект Джонмирзе Кушбеги — премьер-министру — для ознакомления. Однако проект не пришёлся ему по душе. Он величественно поднял правую руку и, очертив по карте указующим перстом широкий полукруг, охватывающий территории соседей Бухары и соседей этих соседей, веско сказал:

— Ваша граница не годится. Она должна пройти вот по этой линии. Во владения его высочества бухарского эмира должны быть включены все эти земли.

Увидев столь решительную коррективу Кушбеги, один из членов комиссии не смог удержаться от насмешливой улыбки.

Кушбеги, заметив эту дерзость, рассвирепел и крикнул:

— Если тебе не нравится наше мнение, иди по своим делам! Мы сами добьёмся того, что нам нужно. Я тут хозяин, а хозяин всегда есть хозяин, и он может добиться своей цели любым путём.

Джонмирза Кушбеги был малограмотным человеком; не удивительно, что этот его смехотворный поступок выглядел в глазах окружающих вполне естественным.

Но странно видеть подобный случай в наши дни, в солидной американской газете «Нью-Йорк таймс», возглавляемой и редактируемой людьми, как известно, грамотными и к тому же не совсем несведущими в науках, в частности, в истории.

* * *

Московский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» мистер Солсбери недавно совершил путешествие по советской Средней Азии. Свои многочисленные впечатления он изложил в серии статей, которые хотя и были напечатаны на страницах упомянутой газеты, однако не вполне удовлетворили взыскательную редакцию.

Вопреки всем ожиданиям корреспондент не осмелился совершенно скрыть от читателей положительные стороны в жизни среднеазиатских народов; он даже — правда, весьма поверхностно — упоминает о тех сдвигах, которые произошли в этом районе с момента установления советской власти. Впрочем, это не мешает его попыткам незаметно истолковать и сами положительные явления в отрицательном смысле. В общем можно сказать, что, выполняя возложенную на него задачу, корреспондент не жалел ни себя, ни фактов.

Описывая свои впечатления о Самарканде, мистер Солсбери упоминает о работах по восстановлению исторических памятников. Но делает он это лишь для того, чтобы посожалеть о безвозвратно ушедшей «романтике Золотого города». Свою первую статью он так и озаглавил:

Советы реставрируют знаменитый Самарканд
Работы по реконструкции исторических зданий города идут полным ходом, однако романтика Золотого города ушла навсегда

Конечно, мы уважаем памятники, созданные трудом и искусством наших предков. Но разве мы можем признать романтичной ту эпоху, когда были построены эти памятники?! Чтобы показать, насколько романтичен был тот период, обратимся к писаниям известного венгерского востоковеда Германа Вамбери, который, кстати, преданно служил английскому империализму. Вамбери посетил в середине XIX века Среднюю Азию и в книге «Бухара или Трансиордания», всячески распаляя аппетиты своих хозяев, красочно описал великолепие и пышность исторических памятников времён Тамерлана. Но Вамбери упомянул мимоходом и о том, что в те далёкие времена многие тысячи жителей «из-за недостатка жилищ укрывались под деревьями и в пещерах». Город и его окрестности, отмечал Вамбери, были превращены в личные угодья правителей, а население вытеснено на окраины, где оно и в мороз и в зной ютилось под деревьями или в пещерах — убежищах змей и скорпионов.

Люди, испытавшие прелести подобной жизни на себе, вряд ли смотрели на неё как на нечто романтическое. Романтику той эпохи тем более не признают наши современники, сбросившие оковы, которые принуждали людей уживаться со скорпионами под одной, так сказать, крышей.

Я не думаю, чтобы мистер Солсбери не знал об этом прошлом. И я полагаю, что он не столько сетует по поводу исчезновения «романтики Золотого города», сколько втайне сокрушается о том, что для империалистов всех калибров с установлением советской власти навеки исчезла возможность прибрать к рукам наш богатый и вольный край.

А кое-кто может, конечно, всплакнуть о «романтике Золотого города». Какое, например, было романтическое время ещё несколько десятков лет назад, когда вся продукция шелководства переправлялась из Средней Азии в Милан и после обработки, обращённая в золото, делилась между предпринимателями! А что теперь? Наша мощная отечественная шелкомотальная и шелкоткацкая промышленность прозаически выпускает миллионы метров высококачественного шёлка, которые в будничном порядке растекаются по всем магазинам Советского Союза. Никакой романтики!

* * *

Свой следующий очерк — о Бухаре — мистер Солсбери начинает словами:

«Сказочных базаров и рыночных площадей старой Бухары больше не существует».

За этим горестным сообщением, выдающим в мистере Солсбери страстного поклонника средневековой восточной экзотики и всё той же романтики, следует такая брезгливо-брюзгливая фраза:

«На их месте существует местный колхозный рынок и небольшой универсальный магазин, где продаются такие же товары, какие можно купить в Москве».

Я не знаю, каким образом мистеру Солсбери удалось разыскать в Бухаре всего лишь один «небольшой универсальный магазин», но могу подтвердить, что «сказочных» базаров в нашей Бухаре действительно нет. Что же касается «местного колхозного рынка», то мистер Солсбери воздержался от дальнейших подробностей. Видимо, ему не понравились горы самых обыкновенных фруктов, овощей и другой снеди, в которой и в самом деле не было ничего сказочного.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» безутешно рыдает над былой пышностью «Токи саррафон» и «Токи заргарон». По определению романтика Солсбери, «Токи саррафон» было «прибежищем знаменитых бухарских менял денег», а «Токи заргарон» — рынком «торговцев драгоценными камнями и орнаментами из золота и серебра». В действительности же это были притоны спекулянтов и фальшизомонетчиков. И не нужно напрягать разум, чтобы понять, почему бухарцы не разделяют печали заокеанского путешественника. В нашем народе ходила пословица: «Если не удастся задержать вора, вместо него необходимо казнить саррафа и заргара», то есть менялу и золотых дел мастера, так как оба они закоренелые мошенники. И когда мистер Солсбери льёт слёзы по поводу того, что в «Токи саррафон» теперь меняют не одни фальшивые монеты на другие, а крепкие советские рубли на подлинные дыни, мы ничем не можем ему помочь. Увы, и здесь опять никакой романтики!

* * *

Но отдадим должное статьям Солсбери: описывая советскую Среднюю Азию, корреспондент проявил незаурядную ловкость и изворотливость: он попытался и создать у читателей «Нью-Йорк таймс» впечатление полнейшей своей «объективности» и в то же время заслужить одобрение своих хозяев;

последнее было, конечно, основной его задачей. Говоря словами таджикской пословицы, он хотел одновременно ударить и по гвоздю и по подкове, проще: одним выстрелом двух зайцев убить.

Однако странно, что эта виртуозная ловкость и изворотливость (а она является высшей степенью мастерства в буржуазной журналистике), видимо, всё-таки не вполне удовлетворила хозяина — редакцию «Нью-Йорк таймс». Хозяин, как видно, хотел, чтобы корреспондент совершенно «опустил» факты, а за факты выдал клевету. Поэтому хозяин остался недоволен. На манер Джонмирзы Кушбеги редакторы «Нью-Йорк таймс» могли прикрикнуть на Солсбери:

— Если тебе не нравится наше мнение, иди по своим делам! Мы сами добьёмся того, что нам нужно. Я тут хозяин, а хозяин всегда есть хозяин, и он может добиться своей цели любым путём.

Как бы то ни было, хозяин, торопливо зарядив авторучку изрядной дозой специальных жёлтых чернил, тотчас же по получении первого письма от Солсбери сел и сотворил «пояснительную» редакционную статейку к очеркам своего корреспондента.

Я не собираюсь подробно анализировать это насквозь лживое произведение газетного искусства, потому что, как гласит таджикская пословица, чем меньше зловония, тем лучше.

Но было бы всё-таки нетактично перед редакторами «Нью-Йорк таймс» не сказать об этой статейке несколько слов, тем более что они немало потрудились, сочиняя её. И кроме того честные люди должны знать, что́ такое «обработка фактов» в практике американской буржуазной печати.

Солсбери пишет:

«В самаркандских магазинах можно купить такие же духи «Кремль», как и в Москве, такие же радиоприёмники марки «Москвич». В ювелирных магазинах можно приобрести ручные часы «Победа» и янтарные браслеты, точно такие же, как и в Москве. Как и в Москве, детские магазины называются «Детским миром», и продаются там такие же русские матрёшки».

И Солсбери тут же переходит к своей излюбленной теме об «ушедшей навсегда романтике». Но американский читатель с помощью редакторов «Нью-Йорк таймс» вполне может пойти по другому пути. Он может умозаключить, что духи «Кремль», часы «Победа» и деревянные русские матрёшки в особенности — не что иное, как подавление национальной культуры. Ведь ясно же намекает редакционная статья на колониальный режим в Средней Азии!

Таджикская пословица утверждает, что подобные измышления обычно «скрыты под ослиным навозом». Однако автор статьи не воспользовался даже этим малоэффективным средством маскировки. Видимо, он очень спешил.

Автор редакционной статьи сокрушается о том, что «с точки зрения пропаганды Средняя Азия является одним из козырей Советского Союза, используемым для привлечения Азии и Африки». Но тут же он поспешно добавляет:

«Хвастовство (!) о количестве школ, докторов и пр., которые якобы (!!) принесла советская власть в этот район, является основой для неоправданного сравнения (!!!) с условиями Ирана, Индии и подобных им стран».

В статье Солсбери нет ни слова о школах и докторах. Между тем известно, что корреспондент, будучи в Сталинабаде, побывал во многих школах, посетил Академию наук Таджикской ССР и ряд высших учебных заведений, в том числе медицинский институт, клиники и лаборатории которого оборудованы по последнему слову техники, а ежегодное число выпускников института составляет около пятисот. Корреспондент имел полную возможность сообщить читателям «Нью-Йорк таймс», что даже в кишлаках, не говоря уже о городах, кроме огромного количества школ-семилеток, имеются также и средние школы, ежегодно обеспечивающие вузы республики студентами. Кроме того Солсбери посетил школы и вузы Ташкента, Самарканда и других городов Средней Азии.

Однако всё это каким-то образом «выпало» из поля зрения корреспондента. Он удостоил своим просвещённым вниманием лишь «чистый отель с горячей и холодной водой, с ежедневной сменой белья и рестораном». Во всяком случае, такое впечатление создаётся у читателя.

Одно из двух: либо корреспондент умышленно промолчал о «школах, докторах и пр.» в угоду своим хозяевам, либо хозяева сами вычеркнули это из его сообщений, чтобы оставить себе лазейку для «пояснительной» редакционной статьи.

Впрочем, сам мистер Солсбери невольно опровергает нелепые измышления своих хозяев. В назидание вашингтонским стратегам «психологической войны» он указывает:

«Всё это легко отнести к «советской пропаганде», но это точно так же опасно, как и легко. Это кажется успешной пропагандой, так как она основывается на фактах».

А затем Солсбери ещё называет эти факты «прекрасными» и «первоклассными»!

Но вот перед нами ещё один вопиющий образчик «правдивой» информации. Автор редакционной статьи пишет, что «местные народы страдают как граждане второго сорта» и «подвергаются дискриминации». Джентльмены, линчующие негров, делящие всё в Америке на «Онли фор блэк» и «Онли фор уайт» («Только для чёрных», «Только для белых»), дополнившие ныне расизм рабовладельческих южных штатов расизмом гитлеровской «расы господ»,— они, эти джентльмены, смеют говорить о «дискриминации» в Советском Союзе!

Безымянный автор статьи ссылается на «востоковеда» Вальтера Колларза, который «указал» (!) и «документально подтвердил» (!!), что «Средняя Азия является, по существу, русской колонией». Здесь только одно достойно внимания: нет такого «научного» преступления, на которое не пошёл бы американский «востоковед» типа Колларза, когда перед его глазами заблестит устойчивая валюта.

Искать поддержки против фактов у колларзов — значит хвататься, утопая, за соломинку. И в том и в другом случае тщетно ждать благополучной развязки.

Сознаюсь, меня всё-таки поражает, насколько этих джентльменов лишило здравого рассудка сознание того, что несметные богатства Средней Азии, неисчислимые прибыли безвозвратно уплыли из их рук.

* * *

Можно ли спорить о том, что́ лучше: кочевой образ жизни в степи в жару и в морозы или оседлый — в благоустроенной квартире?

По-моему, для людей с нормальной психикой двух мнений здесь не может быть.

Я помню, какой тяжёлой была доля облачённых с головы до ног в баранью шкуру кочевников, судьба которых всецело зависела от капризов безжалостной природы, посылавшей смерть им самим и мор их скоту.

Каждую весну и осень купцы отправлялись к кочевникам и загребали громадные богатства, выменивая третьесортные товары (а часто и ткани для погребальных саванов) на табуны лошадей и отары овец.

Давно уже прошли времена эмирата. Давно уже эти бывшие кочевники ведут оседлый образ жизни, работают в нормальных условиях, дающих им возможность уберечь себя и свой скот от болезней и вымирания. Теперь не только они сами обеспечены врачами и лекарствами, но и скот их получает достаточную ветеринарную помощь.

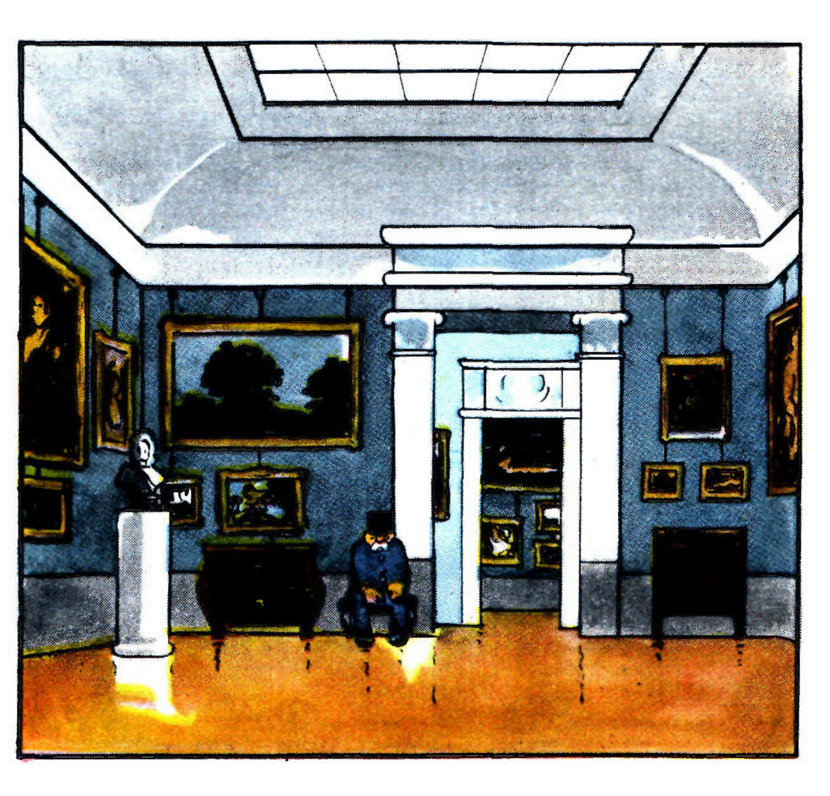
Между тем автор редакционной статьи в «Нью-Йорк таймс» имеет свою точку зрения по этому вопросу. Он выражает своё сочувствие бывшим кочевникам, ныне живущим в человеческих условиях. Он обвиняет советскую власть в том, что она ликвидировала «старый кочевой образ жизни народов Средней Азии», да ещё «путём применения террора».

Я не думаю, чтобы автор статьи не понимал, какой образ жизни лучше — кочевой или оседлый. Если же он в самом деле кочевую жизнь предпочитает оседлой, то кто же мешает ему покинуть многоэтажные небоскрёбы и отправиться на верблюде в безбрежную пустыню?

Нет, пожалуй, этим его не соблазнишь даже «путём применения террора»!

г. Самарканд.

В ОДНОМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ МУЗЕЕ

Картины до прихода американцев...

...и картина после их ухода.

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Откуда появились эти пристройки? Проектом они не предусмотрены!..

— Поэтому-то и появились...

БЮЛЛЕТЕНЬ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ

Рабочий шахты № 8 «Черепеть-уголь», Ханинского района, Тульской области, Харламов И. И. почувствовал себя нездоровым и обратился в Агеевскую амбулаторию. Врач Маркова Л. М. выдала больному такую бумагу:

«Справка. Дана в том, что он освобождён от работы с 17/XII—18/XII—53 г. Диагноз бронхит».

У читателя этой справки не могут не возникнуть два вопроса:

1. Действительно ли можно рассчитывать на внимательное медицинское обслуживание в амбулатории, где даже не интересуются фамилией пациента?

2. Если справка врача Марковой — официальный документ, то что же такое филькина грамота?

ПОДПИШИТЕ ПУТЕВОЧКУ...

Ранним утром в рыболовецком колхозе «Находка» появился незнакомый гражданин.

— Привет! — кинул он бригадиру рыбаков, проходя в палатку.— Шабранский. Лектор Южно-Сахалинского планетария. Я прочту у вас лекцию «Солнце и жизнь на Земле».

И, оглядев собравшихся рыбаков, заявил:

— Земля круглая!

Этого никто не оспаривал. И лектор развил свою мысль:

— Собственно говоря, она имеет форму шара... Да... С одной стороны Земля освещается Солнцем, с другой стороны она вертится... Вот так... Подпишите путёвочку...

Последние слова он произносил уже на ходу. Через час в соседнем колхозе «Большевик» снова звучал тот же голос:

— Христос был просто мифом... Межпланетные путешествия возможны...

Выяснив, таким образом, роль Христа и возможность межпланетных путешествий, лектор-скоростник подписал путёвку и бодро зашагал по берегу к следующему колхозу, весело мурлыкая: «Погода стоит штормовая, подруга моя, не забудь...»

Вскоре в колхозе «Путь к коммунизму» раздавался тот же, но уже слегка охрипший голос.

Пополняя сведения рыбаков по астрономии, Шабранский чувствовал себя на Млечном Пути, как дома, а месяц панибратски называл «старым бродягой»...

Так или примерно так проходил «рабочий день» у лектора Шабранского. Иначе и не может быть: за один день этот гастролёр из Южно-Сахалинска побывал со своими лекциями в шести рыболовецких колхозах.

И за каждую заполненную на ходу путёвку получил с «Облрыбаккolхозсоюза» по двести целковых. Недурной улов на сухом берегу!

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ВЕСЕЛАЯ ОПЕРАЦИЯ

До чуткого слуха районного отделения милиции донеслась крылатая весть: в деревне Засёлки завелись самогонщики. Накрыть их на месте преступления и твёрдой рукой в корне пресечь зло взялся участковый уполномоченный младший лейтенант милиции Ульянов.

О том, как он блестяще провёл эту операцию, повествует нижеследующий документ, равно примечательный и по форме и по содержанию:

«Акт уничтожение.

Я уч уполном. Суражского РОМВД мл. л-т милиции Ульянов в присудствии понятых Кордецкой Тамары Антоновны жительницы дер Заселок Тудатского с/с Суражского р-на Витебской обл Булиной Татьяны Федоровны жительницы дер Заселок Тудатского с/с Суражского р-на Витебской области сего числа произвели уничтожения на месте совершавшего изготовления самогона полностью самогонный аппарат, карито с железиой трубкой, один конец sгнутой, колпак, тоесть катка сверху в которой имеется отверстие, путем разлома брагу в количестве 2 ведер уничтожели путем выливания на землю которая находилась в катке и чугуну, 2 два литра самогонна, и один поллитор браги взят как вещественное доказательство, а 0,75 литра самогона уничтожена путем пробы понятыми и сами лицами производившую самогон.

Уполн. Суражского РОМВД мл. л-т милиции (подпись).

Понятые (подписи)».

Картина в общем достаточно ясная. Сразу видно, что документ этот появился на свет уже после «уничтожения самогона путем пробы».

Георгий ГУЛИА

Смерть поэта

Итак, московскую секцию поэтов постигло несчастье: скончался Руслан Мамыкин. Об этом «с глубоким прискорбием» известило нашу общественность правление Союза писателей. Тот, кто не был лично знаком с Мамыкиным, прочитав траурное объявление, невольно подумал: «Мамыкин? Поэт? Какой такой Мамыкин?»

Но тот, кто знал его лично, немало подивился: «Как?! Неужели этот великан — косая сажень в плечах,— этот тяжелоатлет от поэзии, этот, казалось, цветущий мужчина мог умереть скоропостижно, уйти от близких друзей, уйти из Центрального дома литераторов с его уютной парикмахерской, в которой он провёл немало часов, и, наконец, уйти из буфета, который он так обожал?!»

Когда эта горестная весть дошла до сотрудников писательского клуба, они воскликнули в один голос:

— Не может быть!

И они живо представили себе богатырскую фигуру, которая так примелькалась за два десятилетия, что, казалось, без неё и невозможно было представить себе секцию поэтов как таковую.

Но факт остаётся фактом: безжалостная смерть вырвала из наших рядов Руслана Мамыкина, слава которого простиралась вплоть до...

Однако именно слава поэта имеет прямое отношение к его смерти. Я бы сказал больше: слава, оказавшаяся роковою, сыграла чёрную роль в судьбе Мамыкина. Я чувствую, что волнуюсь, и поэтому, возможно, выражаюсь не совсем ясно. Настоящий рассказ и призван внести эту ясность, объяснить истинную причину безвременной кончины Мамыкина.

Мне хочется заявить со всей резкостью, что, кроме злого рока, не последнюю скрипку в этой истории сыграло бюро пропаганды Союза писателей. Не желая никого обвинять огульно и не требуя никаких административных мер взыскания, я просто-напросто хочу отметить обстоятельство, которое, надеюсь, не ускользнуло из поля зрения руководства Союза писателей...

Дело обстояло так.

Прекрасным октябрьским утром, когда московские дворы обильно устилались жёлтыми пятаками опавших листьев и, выражаясь словами покойного поэта, «друг-ветер ерошил их, как руки милой кудри золотые», в рабочем кабинете Мамыкина раздался телефонный звонок. Звон телефонных колокольчиков залил всю комнату. Было не поздно и не рано: стоял тот поэтический час, когда муза всё ещё дремлет, но «прекрасные мысли уже роятся в голове, точно пчёлы в улье» (Р. Мамыкин «Симфония утра»).

Мамыкин потянулся к телефонной трубке.

— Руслан Юрьевич? — послышался женский голос. Голос звучал сладко, словно песня сирены, и непонятно, как это Мамыкин, человек многоопытный, не почувствовал грозящей ему опасности.

— Да, я,— мужественно ответил Мамыкин.

— Руслан Юрьевич,— продолжала сирена из бюро пропаганды, о котором говорилось выше,— вы не любите ни читателей своих, ни почитателей!

Это категорическое утверждение, говоря откровенно, польстило тщеславию поэта. Он улыбнулся, глядя на потолок, и, не отрывая трубку от уха, взлохматил левой рукой чуть поредевшую шевелюру.

— Помилуйте,— слабо воспротивился он утверждению сирены,— откуда такие слухи?

— Слухами земля полнится.

— Не верьте, дорогая, не верьте... Читатель всегда чувствует мой локоть. Чувство локтя — великое чувство, Елизавета Сергеевна!

— Руслан Юрьевич,— неслось по телефонным проводам,— большая к вам просьба: поезжайте, пожалуйста, к своим читателям. Это недалеко, под Москвой... Машина придёт за вами. Напоминаю: за пятнадцать лет вы ни разу не выезжали из Москвы.

— Ну, уж скажете, Елизавета Сергеевна!

— Нет, нет, Руслан Юрьевич, поездки в Сочи и в Кисловодск — не в счёт... Не отказывайтесь, Руслан Юрьевич, умоляю вас... О вас говорили даже на заседании секретариата союза. И в план включили...

Это была ложь, но слабая струнка была задета: наш поэт любил, чтобы о нём поговорило писательское начальство.

— Ну уж и высказывались! — проговорил Мамыкин.— Кто именно?

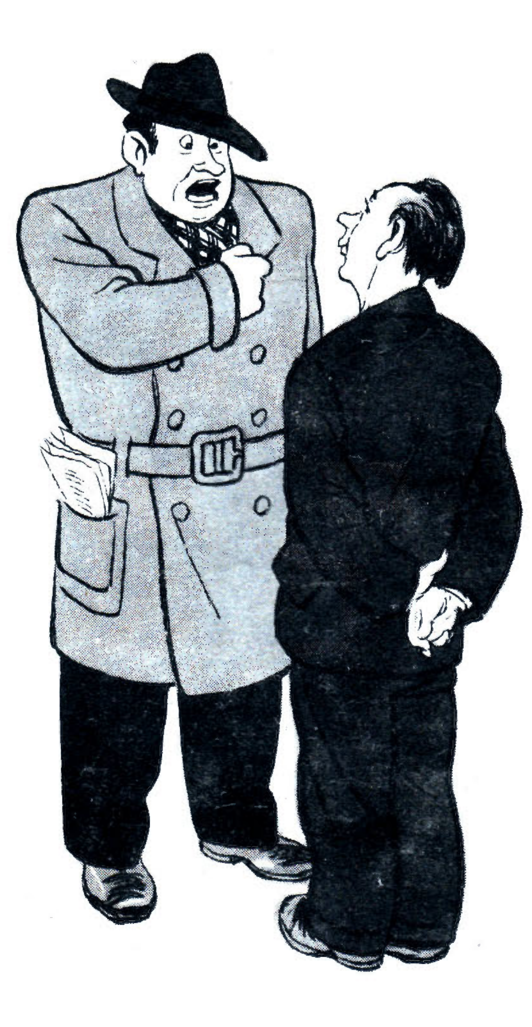

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Да все! Да все! — вдруг затрещало в трубке. И сладкая песня уступила место вдохновенному восторгу: — И один говорил и другой! Все! Все! Все! Мамыкина, закричали, Мамыкина!.. Вас ждут читатели, и с каким нетерпением ждут, Руслан Юрьевич!

Елизавета Сергеевна считалась сотрудницей настырной. Из-за болезни одного поэта срывался литературный вечер в небольшом подмосковном городе, и Елизавету Сергеевну обязали «принять любые меры», «не допустить срыва», послать туда «кого угодно». И она старалась изо всех сил.

Через сорок пять минут стихотворец, пользовавшийся огромной популярностью в клубе писателей, согласился отбыть в подмосковный город и почитать свои произведения истосковавшимся по яркой поэзии читателям. Одним словом, роковая ошибка была совершена, и, как это теперь очевидно, определённая вина ложится на Елизавету Сергеевну...

Когда машина, пробежав шестьдесят восемь километров, остановилась перед районным клубом, из неё вышел Руслан Мамыкин и осмотрелся вокруг, словно спрашивая себя: «Куда меня занесло?» И с высоты своего поэтического величия он приметил некиих людей, удивлённо перешёптывавшихся между собой.

— Кто это? — донеслось из толпы.

— Откуда он?

— Василий Андреевич, говорите...

И тут выступил тот, кого звали Василием Андреевичем, — щуплый мужчина лет тридцати.

— Заведующий клубом! — представился он.

— Мамыкин! — раздалось где-то там, наверху, казалось, под облаками.

Василий Андреевич запрокинул голову и встретился с презрительным взглядом поэта.

— Вы, случайно, не из Союза писателей?

— Ма-мы-кин! — вполне членораздельно сказал поэт, ясно давая понять, кто он.

— Мы ждём из Москвы поэта,— объяснил заведующий клубом.

— Я Мамыкин! — взревел поэт, выведенный из себя невежеством Василия Андреевича. И тут он почувствовал, насколько любезнее работники писательского клуба, которые никогда не сомневались в личности Мамыкина.

Василий Андреевич, казалось, обиделся. Он пожал плечами и повторил:

— Мы ждём поэта...

— А кто такой товарищ Мамыкин? — произнёс кто-то довольно громко.

Поэт вздрогнул, словно его ужалила змея. Грудью прорезав толпу, Мамыкин прошествовал в клуб, откуда доносился шум многочисленных голосов.

В гардеробе его настиг всё тот же Василий Андреевич. Боясь обидеть такого солидного дядю, как Мамыкин, он спросил, выказывая удивительную настойчивость:

— Вы сказали — Мамыкин?

— Да, Мамыкин!

— Мамыкин? Это какой же?..

— Какой? Должны знать, если вы человек более или менее культурный!

Заведующий виновато улыбался, но тем не менее твёрдо стоял на своём: он всё-таки хотел выяснить, кто же этот Мамыкин.

— Кажется, припоминаю,— сказал он.— Что-то знакомое в этой фамилии...

— А что именно? — спросил Мамыкин, едва удерживая гнев.

И тут-то произошло совершенно непредвиденное и, к сожалению, непоправимое. Старик, обслуживающий гардероб, неожиданно сострил:

— Мама — вот что знакомо, Василий Андреевич!

Мамыкин посерел. Он схватился за грудь.

— Я поэт Мамыкин! — в припадке отчаяния крикнул Руслан Юрьевич.

— Очень приятно,— отозвался Василий Андреевич.— По правде говоря, мы ждали другого...

И он назвал фамилию поэта, жившего по соседству с Мамыкиным.

Мамыкин побагровел от злости. И тут его хватил удар. Он свалился, как сноп. Его бережно подняли на руки и внесли в артистическую уборную. Немедленно вызвали врача...

А через час в Москву полетела телеграмма-молния следующего содержания: «Скоропостижно скончался некто Руслан Мамыкин приехавший путевке бюро пропаганды Союза писателей качестве поэта Жду указаний Завклубом Павлов».

Вот и вся история, связанная со смертью Руслана Мамыкина, образ которого долго будет жить в сердцах всего административно-технического персонала Дома литераторов и близких друзей поэта. Вот что может наделать слава!

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— Не до вас: здесь обсуждают творческие вопросы!

У ХОЛОДНОЙ КУЗНИЦЫ

Долгие осенние дожди превратили полевые дороги в жидкое тесто. Поэтому Василий Сергеевич Карпунин, председатель Старо-Шайговского райисполкома Мордовии, оставил машину в селе и осматривал владения Леткинской сельхозартели с высоты колхозной телеги.

Пегий конь добросовестно волочил повозку с пригорка на пригорок. И вдруг от удара о придорожный пень заднее колесо с необычайной лёгкостью рассыпалось, а председатель исполкома едва не вылетел из телеги.

— Приехали! — хмуро сообщил возница.

— Э-э! Колёса-то не ошинованы! — воскликнул районный руководитель, устанавливая причину происшествия.

— Шинное железо, оно на дороге не валяется... Нету его, — отвечал колхозник.

— Как то есть нету?

— Это вы у нашего председателя артели Луконина спросите, — сердито ворчал возница. — С шиной колесо пять лет живёт, а на деревянном-то ходу за один сезон рассыпается. Каждый год новые покупаем. Сколько артельных денег зря расходуем!

Василий Сергеевич достал пухлый блокнот и записал: «Шинное железо».

— Да и конь у вас не подкован!

— Подковы тоже на дороге не валяются...

Председатель записал: «Подковы». Потом, вспомнив, что по исполкомовским сводкам кузница в Летках числится как лучшая в районе, решительно приказал:

— Пошли в кузницу!

Кузница оказалась совсем рядом, на краю села, у берегов небольшой речушки. Ютилась она в маленькой, полуразвалившейся избушке с подгнившим и осевшим углом.

Возле кузницы в беспорядке валялось до полусотни конных двухлемешных плугов. Рядом лежали бороны, скалившие изъеденные ржавчиной, кривые зубья. Под хмурым осенним небом стояли в ожидании ремонта жатки, сеялки, косилки и другая техника.

В кузнице было холодно и сыро, как в колодце. Запах гари и дыма отсюда давно выветрился. Василий Сергеевич машинально протянул озябшие руки к горновому гнезду и... запутался в паутине.

— Н-да-а... — задумчиво протянул председатель. — А где кузнецы-молодцы?

— Вон они торопятся сюда вместе с Лукониным, — указал кнутовищем возница.

Подошли кузнецы и заговорили, не дожидаясь приглашения:

— Железа нет, угля нет, инструментов не хватает, оборудование, сами видите, какое... Невозможно так работать!..

— Н-да-а... — повторил районный руководитель, искоса поглядывая на председателя колхоза. — Как же вы дожили до жизни такой? Сколько денег тратите на покупку новых машин, а на кузницу, чтобы ремонтировать всю эту технику, пустяков пожалели!.. На одних неошинованных колёсах перерасходовали столько, что три кузницы можно было оборудовать...

Руководитель леткинского колхоза руками развёл:

— Никаких же указаний из района не было... По севу, по скоту, по удобрениям, по уборке, по птице всё время идут директивы, а по кузнице — ни одной... У меня у самого выездной гнедой только на две ноги подкован.

— Вот мы теперь вам укажем, раз вам нянька нужна, — пообещал председатель исполкома, — долго помнить будете!..

Он уехал рассерженный и в районном центре развернул бурную деятельность. Записей в блокноте всё прибавлялось. «В колхозах района числится кузниц — 25, — записывал председатель исполкома, — а постоянных кузнецов в них — 4. За двадцать лет построено новых кузниц — 0, приобретено нового оборудования для кузниц — 0. Отремонтировано к концу года плугов и борон — 0».

Свои записи Василий Сергеевич озаглавил словами: «Чрезвычайно важно!», — подчеркнул жирной чертой и принялся составлять боевую программу действий. Казалось, ещё немного — и запылают в колхозных кузницах горны, раздадутся звонкие перестуки ручников и молотов... Однако председатель леткинского колхоза так и не дождался «указаний по кузнице».

Районному руководителю потребовалось срочно готовиться к пленуму исполкома. Затем он был на совещании, где обсуждалось двадцать шесть вопросов. Потом отвлекли другие дела, и колхозные кузницы были постепенно забыты.

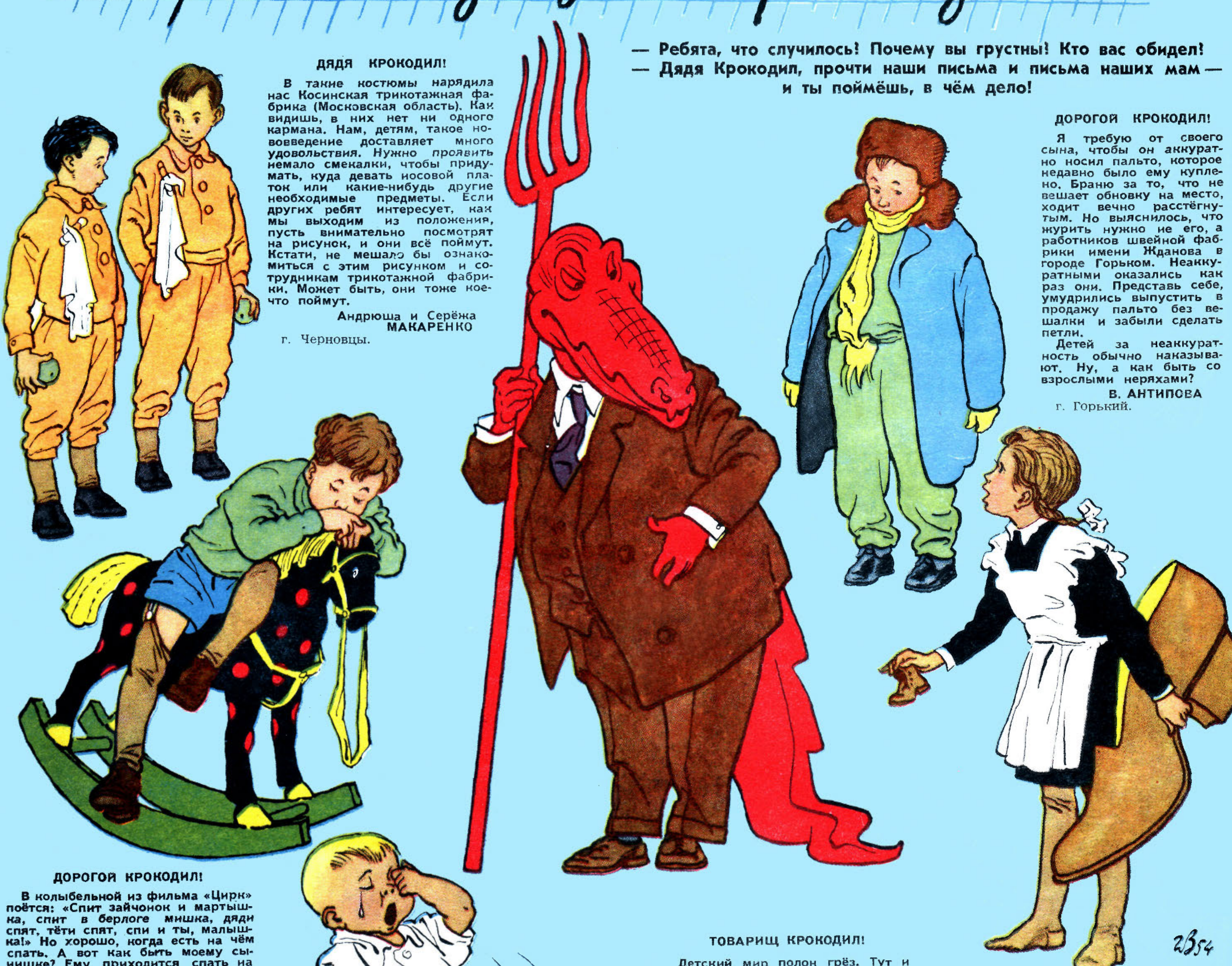
...Недавно председатель исполкома снова проезжал мимо леткинского колхоза. По укатанной зимней дороге машина катила без задержки. Сквозь стёкла автомашины Василий Сергеевич увидел знакомую заброшенную избушку, рукоятки плугов, торчащие из сугробов, занесённые снегом жатки, сеялки.

Районный руководитель достал пухлый блокнот и записал: «О колхозных кузницах. Очень важно!»

В. ИНДИН

Дорогой дядя Крокодил!

— Ребята, что случилось! Почему вы грустны! Кто вас обидел!
— Дядя Крокодил, прочти наши письма и письма наших мам — и ты поймёшь, в чём дело!

ДЯДЯ КРОКОДИЛ!

В такие костюмы нарядила нас Косинская трикотажная фабрика (Московская область). Как видишь, в них нет ни одного кармана. Нам, детям, такое нововведение доставляет много удовольствия. Нужно проявить немало смекалки, чтобы придумать, куда девать носовой платок или какие-нибудь другие необходимые предметы. Если других ребят интересует, как мы выходим из положения, пусть внимательно посмотрят на рисунок, и они всё поймут. Кстати, не мешало бы ознакомиться с этим рисунком и сотрудникам трикотажной фабрики. Может быть, они тоже кое-что поймут.

Андрюша и Серёжа **МАКАРЕНКО**

г. Черновцы.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Я требую от своего сына, чтобы он аккуратно носил пальто, которое недавно было ему куплено. Браню за то, что не вешает обновку на место, ходит вечно расстёгнутым. Но выяснилось, что журить нужно не его, а работников швейной фабрики имени Жданова в городе Горьком. Неаккуратными оказались как раз они. Представь себе, умудрились выпустить в продажу пальто без вешалки и забыли сделать петли.

Детей за неаккуратность обычно наказывают. Ну, а как быть со взрослыми неряхами?

В. АНТИПОВА

г. Горький.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

В колыбельной из фильма «Цирк» поётся: «Спит зайчонок и мартышка, спит в берлоге мишка, дяди спят, тёти спят, спи и ты, малышка!» Но хорошо, когда есть на чём спать. А вот как быть моему сынишке? Ему приходится спать на чём попало. При всём желании я не могу купить для него кроватки. Вероятно, работники райторга твёрдо убеждены, что ребята, подобно зайчонкам и мартышкам из песни, могут спать где попало, и поэтому их головы не обременяет забота о снабжении магазинов детскими кроватками.

А. БЫЧКОВА

село Тельчье, Орловской области.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Детский мир полон грёз. Тут и ковёр-самолёт, и скатерть-самобранка, и большие сапоги-скороходы, и даже... маленькие пинетки. Да, да, я не оговорилась — обыкновенные пинетки, о которых другой «Детский мир» (универсальный магазин детских вещей), к сожалению, совсем не мечтает. В какой бы магазин я ни обращалась, всюду раздавалось:

— Пинеток в продаже нет!

Так и остаётся организация продажи пинеток «Детским миром» в мире несбыточных мечтаний.

В. ДАДАЕВА

станция Реутово, Московской области.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

До сих пор суеверные люди считали, что только число «13» приносит «несчастье». Но выяснилось, что и «34»—столь же «несчастливая» цифра. Вот уже сколько времени я безуспешно пытаюсь найти для моей дочери-школьницы ботинки или туфли тридцать четвёртого размера. Но, увы, в продаже имеется обувь только номер тридцать семь и выше. Остаётся, видно, одно: ждать, когда у девочки вырастет нога до того размера, который устраивал бы торговых работников

г. Москва. **А. ШИШОВА**

Рисунки Г. ВАЛЬКА.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 83. Подписано к печати 21/I 1954 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

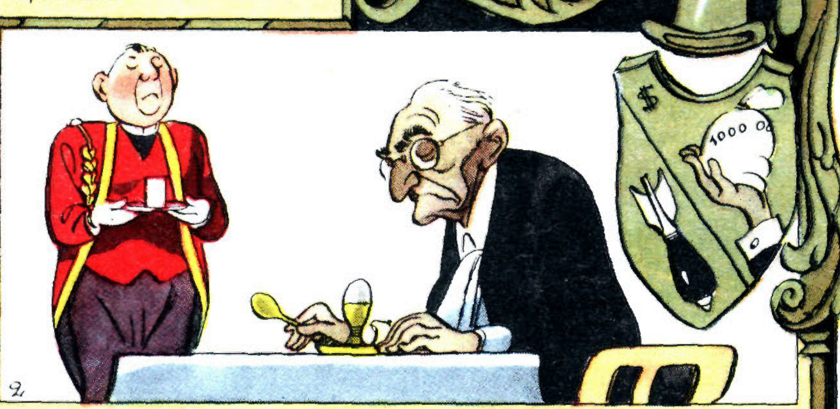
А 00711. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24 Заказ № 2421. Тираж 400 000 экз.

ФЕОДАЛЫ И ВАССАЛЫ

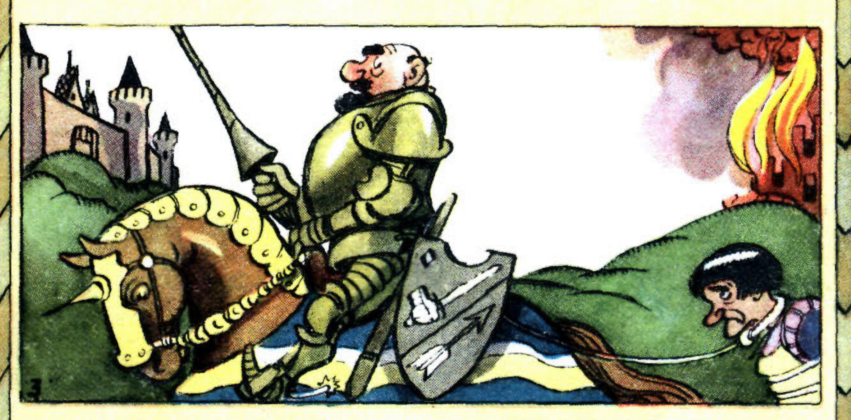
Исторические параллели

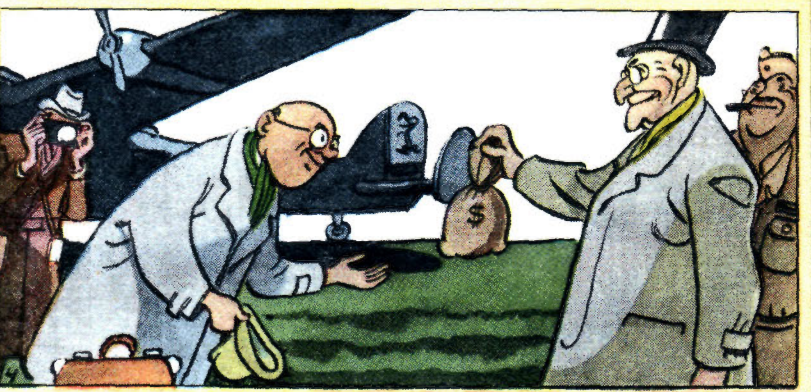
Взгляните на этого грубого, малокультурного феодала. Этакий средневековый молодец мог в один присест сожрать барана и выпить небольшой бочонок вина. Глядя на прожорливого рыцаря-барона, нельзя не воскликнуть: «Ну и аппетиты бывали в старину!»

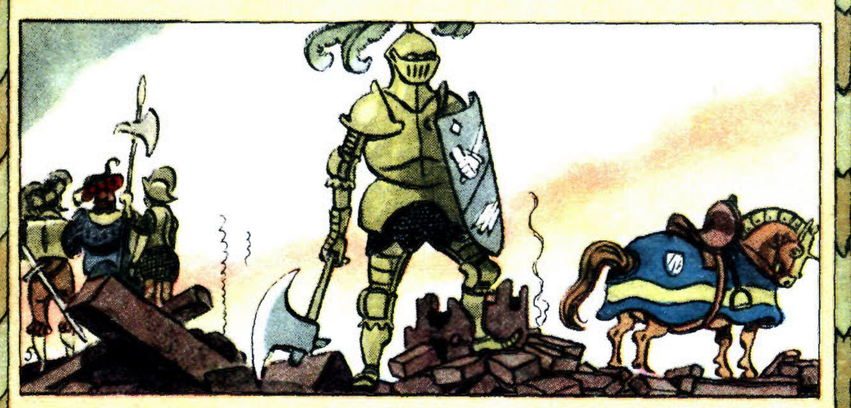
А вот современный финансовый барон. Съест такой хилый старичок яичко, запьёт молочком — и сыт. «Ну что это за аппетит!» — воскликнут наивные люди, не ведающие, что такой старикан может в один присест заглотать чужой рынок сбыта, нефтяную территорию, а также партнёра вместе с его потрохами и сырьевыми ресурсами.

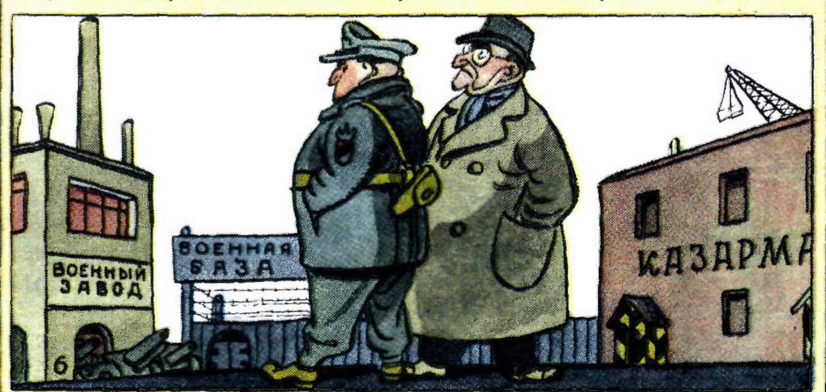
Средневековый бизнесмен вёл свои финансовые операции весьма примитивно. Заарканив какого-нибудь вассала побогаче, он обезоруживал его, кидал в темницу и держал на цепи до тех пор, пока вконец отощавший и морально надломленный рыцарь не вносил за себя выкуп.

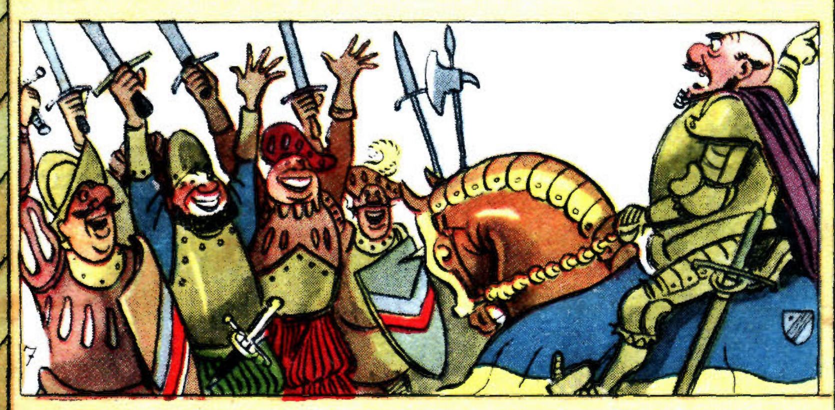
Другое дело сейчас. Современный бизнесмен не пользуется примитивным арканом, никого не обезоруживает, не требует выкупа. Он сам выдаёт оружие, вручает деньги на военные расходы, за что вассалы охотно суют свои головы в петлю агрессивных союзов. В конечном счёте рыцари Уолл-стрита получают прибыль, намного превышающую самый большой средневековый выкуп.

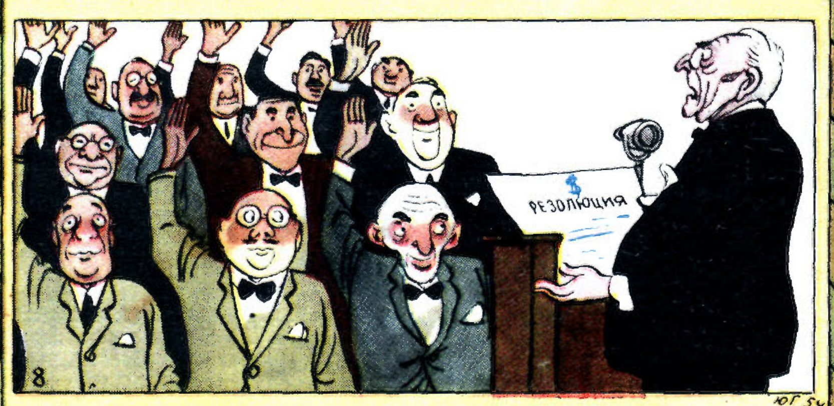
Здесь мы видим феодала после очередного набега. Он гордо стоит на развалинах. Он дотла разрушил персональный замок своего недруга-соседа и безмерно счастлив. Вот она, средневековая темнота! Разве так поступают дальновидные политики?

Американские финансовые магнаты работают более хитро. Они не только разрушают, но и строят (военные заводы, казармы и базы), чтобы снова начать разрушать. Вот это и есть та дальновидная политика, которая не была знакома невежественным средневековым феодалам.

Оглашая окрестности воинственными воплями, вассалы по первому сигналу своего господина, замыслившего новую войну, поднимали вверх оружие.

Вассалы двадцатого века ведут себя куда более благопристойно. Они не вопят, не беснуются, но тоже по первому сигналу своего господина чинно поднимают вверх руки, в которых нет даже игрушечного кинжальчика. А в результате гонка вооружений. Ничего не скажешь, цивилизация!

Рисунки Ю. ГАНФА.